

Наталья Антонова

Мень другой
ЖЕНЩИНЫ

— Уютный детектив —

Наталья Николаевна Антонова
Тень другой женщины
Серия «Уютный детектив»
Серия «Частный детектив
Мирослава Волгина», книга 15

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63968026
Тень другой женщины: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-118659-3

Аннотация

Голубоглазой блондинке Софье повезло не только с внешностью: впервые явившись на кастинг, она покорила директора модельного агентства, который тут же взял ее в жены. Теперь Софья, выросшая в бедной многодетной семье, живет в роскоши, дразня своим благополучием старых подруг. Одна из них и посоветовала ей посетить модный дорогой салон красоты, из которого Софья уже не вышла: прямо во время сеанса массажа ее убили. Кто, почему, зачем? Ответы на эти вопросы отыщут следователь Шура Наполеонов и частный детектив Мирослава Волгина.

Содержание

Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	42
Глава 5	55
Глава 6	68
Глава 7	78
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Наталья Антонова

Тень другой женщины

© Антонова Н.Н., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Наталья Антонова

Тень другой
ЖЕНЩИНЫ

Москва
2021

*Действующие лица и события романа
вымышлены, и сходство их с реальными лицами и
событиями абсолютно случайно.*

Автор

Пролог

Пейзаж за окном напоминал японскую гравюру. Подкрашенные закатом курчавые облака точно лежали на пока ещё безлиственных ветвях тополя и превращали его в диковинное дерево.

– Всё! Я иду гулять! – сказала Мирослава Волгина, встав со стула.

Дон – пушистый кот цвета тёмного шоколада – сощурил огромные янтарные глаза, потянулся и спрыгнул с плетёного кресла, где сладко дремал после сытного завтрака.

– Да, действительно, прогулка в такое чудесное утро нам не помешает, – согласился Морис, сотрудник детективного агентства, возглавляемого Мирославой.

Шура для друзей и Александр Романович Наполеонов для всех остальных, следователь по профессии и друг детства Волгиной, ничего не сказал, просто с тяжёлым вздохом выбрался из-за стола, на котором ещё оставался недоеденный яблочный пирог, и присоединился к остальным.

Едва они вышли из дома, как будоражащий воздух весны захватил их в свои объятия, подул на ресницы, прильнул к губам и напоил допьяна волшебным напитком предвкушения, восторга и чего-то неизъяснимого и неземного, что почти каждый из нас вкушает на пороге так много обещающей весны. И мы, потеряв голову, надеемся, верим, спешим ей

навстречу и следуем по пути, ею указанному...

И так каждый год, независимо от того, пять нам лет, двадцать пять или сто.

– Посмотрите! – воскликнула Мирослава. – Мать-и-мачеха. – И она присела на корточки перед небольшим жёлтым цветком, немного похожим на одуванчик.

Дон понюхал цветок, чихнул и сел рядом.

– Листья мать-и-мачехи можно добавлять в салат, – проговорил Морис, – моя мама всегда так делала, когда мы выезжали на дачу.

– Опять есть траву! – возмутился Шура.

Глава 1

Когда Софья проснулась, было уже десять часов. Утро, но не раннее. Однако для неё в самый раз. Жаворонком она никогда не была. Любила засиживаться допоздна, а утром поспать подольше.

Недавние времена, когда она ещё работала в офисе, молодая женщина вспоминала с содроганием – вечный недосып, чашки кофе без счёта и далеко не радужное настроение. Но полтора года назад ей повезло, она пришла на кастинг в модельное агентство, которое принадлежало Даниле Сафронкову. Кастинг она прошла, но моделью не стала, потому что владелец агентства сразу же положил на неё глаз. И не просто предложил стать его любовницей, на что Софья, разумеется, согласилась бы. Нет, у Данилы всё было серьезно. Он пригласил её пару раз в ресторан, а потом сделал предложение. Софья сначала подумала, что он её разыгрывает, ведь она знала, что он женат. Но оказалось, что Данила не шутит. Ради неё он развёлся с женой и сразу же после оформления развода женился на Софье. Они сыграли пышную свадьбу, именно такую, которую она часто рисовала в своём воображении и не верила, что она когда-нибудь состоится наяву. А потом они поехали в свадебное путешествие – Париж, Рим, Венеция, Амстердам. Всё как она хотела. На годовщину свадьбы Данила возил её в Эмираты. Но скоро снова лето, и он обе-

шал, что они проведут месяц в Испании.

Софья села в постели, потянулась, спустила ноги и искала мягкие тапочки со смешными розовыми помпонами. Данила любил по утрам обнимать её, тискать, целовать и шептать, что она милый шаловливый ребёнок.

Софья про себя знала, что никакой она не ребёнок, но мужу не мешала думать так, как ему хочется. На самом же деле ей, девочке из многодетной семьи, с детства пришлось работать локтями, чтобы отстоять своё место под солнцем. Семья жила от получки до получки. Во многом спасал огород, благо бабушка их жила в посёлке городского типа. Недалеко от города. Всего каких-то полчаса на электричке – и ты на месте. Но проводить все выходные и каникулы, не разгибаясь, на грядках – удовольствие ниже среднего. Поэтому, едва окончив школу, Софья, разругавшись с родителями, сбежала из дома. Её манили яркие рекламные огни большого города, вернее, его центр, хотелось оказаться подальше от обшарпанных хрущёвок и унылых девятиэтажек застройки прошлого века.

Ей повезло. Она нашла сначала работу курьера, а потом менеджера в офисе. Платили не очень много. На работу к 9 утра. И так пять дней в неделю, а то и шесть. Такая монотонность бытия начала угнетать Софью. Правда, она весело проводила свободное время, найти кавалера на вечер с её яркой внешностью не составляло труда. Но всё-таки хотелось другой жизни. Она с отрочества мечтала стать моделью, за-

рабатывать огромные деньги и встретить своего олигарха.

Данила, конечно, не олигарх, но тоже очень даже неплохо обеспечен. После замужества Софье уже не надо было думать, как присобачить к джинсам, купленным на вещевом рынке, бренд известного кутюрье, как выдать дешёвую косметику за дорогую и как найти того, кто заплатит за неё в клубе.

«Теперь всё по-другому», – подумала Софья, встала, набросила пеньюар, не спеша подошла к большому зеркалу, долго смотрела на себя и осталась довольна – хороша! Ещё как хороша! И настроение у неё теперь каждый день отличное. Даже когда мужа дома нет. Данила часто уезжает по делам в другие города. Но Софье скучать некогда. Вот сегодня она, например, договорилась встретиться в кафе со своей подругой.

«Завтракать нет смысла, – подумала Софья, – поем в кафе. А вот макияж...» Действительно, куда без него.

Она наносила последние штрихи, когда зазвонил сотовый. «Неужели Данила соскучился?» – улыбнулась про себя Софья. Но нет, звонила Светлана.

Сафронкова взяла трубку и пропела в неё капризным голосом:

– Светка, почему ты такая нетерпеливая?

– Я просто хотела напомнить тебе, – оправдывалась подруга, – вдруг ты проспала или вообще забыла.

– Ничего я не забыла. Через минуту выхожу из дома. А где

ты?

– Я уже приближаюсь к месту нашей встречи.

– Ты пешком?!

– Нет, на такси, – засмеялась Кочеткова.

– А...

– Чего «а», – передразнила её Светлана, – не все же такие везучие, как ты. Некоторые бедные девушки типа меня до сих пор не сумели подцепить богатенького папика.

– Данила не папик, – обиделась за мужа Софья.

– Конечно, не папик, ты что, подруга, шуток не понимаешь? – рассмеялась в трубку Светлана.

«Как же, не понимаю, – подумала про себя злорадно Софья, – ты уже вся извелась, глядя на «Пежо», который подарил мне Данила». «Пежо» и впрямь был, как сейчас говорит молодёжь, мимимишным. Маленький, розовый и тем, кто не обделён воображением, напоминающий голенького розового пупса, какими в советские времена играли мамы и бабушки современных девушек.

Чтобы не обрывать разговор на неприязненной ноте, Софья решила приободрить подругу.

– Ничего, Светик, – сказала она, – как говорит герой одного из сериалов, – «и на твоей улице перевернётся автобус с олигархами».

– Так ты скоро выходишь? – буркнула Светлана.

– Уже лечу!

Изначально Софья хотела встретиться с подругой в кафе

«Бриз». Но Светлана разнылась, что это кафе слишком дорогое и ей не по карману. Даже на подброшенную Софьей приманку в виде обещания «Я тебя приглашаю, я и заплачу» Кочеткова не клюнула. Поэтому решили встретиться в «Шаловливом ветре». Это кафе было не менее уютным, но цены в нём были на порядок ниже. Софья подумала – ладно, что «Бриз», что «Шаловливый ветер», какая разница, если они оба ветреные. Правда, у «Шаловливого ветра» был один маленький недостаток. Кафе находилось на набережной, и с Волги, как правило, дул ветер. Зато летом небольшой минус «Шаловливого ветра» превращался в огромный плюс. Но и в апреле, если пригревает солнышко, «Шаловливый ветер» очень даже ничего.

Софья не заметила, как доехала до кафе. Оставив «Пежо» на платной стоянке, она поспешила вовнутрь. Светлана уже сидела за столиком и помахала подружке рукой, едва заметив на входе её силуэт.

– Привет! Привет!

Они обнялись и легко чмокнули друг друга в щёки.

– Данила не возражал, что ты ко мне на свиданку побежала? – шутливо спросила Светлана.

– Нет, – помотала головой Софья, – тем более что он опять в творческой командировке.

– А ты не ревнуешь, подружка? Знаем мы эти творческие командировки, – тихо рассмеялась Кочеткова.

– Не глупи! Данила не такой.

– Ага, он у тебя из другого теста сделан.

– Представь себе, – поджала губы Софья.

– Но ты не забывай, что тебя-то он заметил на кастинге и в результате бросил старую жену.

– Но я-то не старая! К тому же Данила не стал разводить со мной шуры-муры, а сразу развёлся и женился.

– Ага, – хмыкнула Светлана, – «пришёл, увидел, победил».

– Типа того, – согласилась Софья. – Кстати, летом мы с Данилой едим в Испанию на целый месяц! – Она не смогла не похвастаться.

– Да ты что?! – восхитилась Светлана. – Обалдеть! – И тут же спросила: – А как же твой целлюлит?

– Какой целлюлит? – не сразу поняла Софья.

– Как какой? Обыкновенный! Апельсиновая корочка на бёдрах.

– Ах, этот, – отмахнулась Сафронкова, – у меня его нет.

– Как то есть нет? – не поверила Кочеткова и проговорила назидательным тоном: – Целлюлит есть у всех.

– И у тебя? – решила подколоть подругу Софья.

– И у меня, – не моргнув глазом, призналась Светлана.

– И что же ты с ним делаешь?

– Как что?! Борюсь!

– Как?

– Хожу на массаж, на обёртывание.

– Помогает?

– Конечно. Но мне приходится на всём экономить, чтобы скопить на процедуры. А ты можешь тратить деньги на салоны хоть каждый день.

– Могу, – охотно согласилась Сафронкова, – я, собственно, и бываю в салонах пару раз в неделю.

– Пару раз? – ахнула Светлана. – Я бы на твоём месте из них не вылезала.

– Ну, у меня хорошая кожа, да и фигура не подкачала. Лишнего веса нет.

– Счастливица! Но всё равно профессиональный уход ещё никому не навредил.

– Тут ты, наверное, права, – согласилась Софья.

– Вот я и говорю, прежде чем ехать в Испанию, тебе просто необходимо сходить на массаж и обёртывания.

– Ты в какой салон ходишь?

– В «Шамаханскую царицу».

– А ты не заливаешь? – недоверчиво переспросила Сафронкова.

– С чего это ты взяла?

– Я слышала, что это очень дорогой салон.

– Зато ты пропустила мимо ушей то, что я тебе говорила.

– А что ты говорила? – недоумённо переспросила Софья.

– То, что я экономлю на всём! – сердито воскликнула Светлана.

– А, это. Только я сомневаюсь, что твоя экономия...

– Мне немного денег дал любимый человек.

– А у тебя что, любимый человек появился? – загорелись любопытством выразительные голубые глаза Софьи.

– Я опять с Эдиком встречаюсь, – нехотя призналась Светлана.

– Да ты что? – ахнула Софья, и на этот раз глаза её недобро потемнели.

– А что, разве нельзя? – вызывающе спросила Кочеткова.

– Почему нельзя, – улыбаясь, протянула Софья, – можно, конечно, и ты, и Эдик люди свободные, никакими обязательствами не связанные.

– Вот именно, – буркнула Светлана.

И тут же разговор с Эдика перекинулся на новые джинсы Софьи и модный свитер, а потом вообще стали говорить о тряпках и косметике.

И только перед самым расставанием Софья Сафронкова, взяв подругу под локоток, заговорщически прошептала:

– Значит, говоришь, салон «Шамаханская царица» один из лучших в городе?

– Не «один из», а самый лучший! – заверила её Кочеткова. – Не салон, а чудо!

– Ну ладно, пока поверю тебе на слово, – засмеялась Софья, – а завтра пойду в твою «Шамаханскую царицу» и проверю на себе. – Сафронкова шутливо погрозила подруге пальчиком. И обе девушки рассмеялись. Расстались они вполне довольные друг другом и проведённым вместе временем.

Светлана сказала, что оставшуюся часть дня она посвятит уборке, а то мать ругается, что дома всё грязью заросло.

– Как будто сама не может прибраться, – проворчала она себе под нос, – сидит дома целыми днями, сериалы смотрит или во дворе с подружками-пенсионерками языками чешут. А я работаю, между прочим.

– Ничего, потерпи, – попыталась утешить подругу Софья, – вот скоро выйдешь замуж и съедешь от матери.

– Твоими устами бы да мёд пить, – вздохнула подруга и, помахав Софье на прощание рукой, побежала на автобусную остановку. На обратную дорогу на такси у неё уже не хватало. А Сафронкова уселась в свой маленький «Пежо» и покатила... Нет, не домой. Ей захотелось пробежаться по бутикам и выбрать себе какую-нибудь симпатичную шмотку. Деньги на этот случай у неё с собой всегда имелись.

Глава 2

Сергей Константинович Брусилов уже давно не был мальчиком. Женщины у него, чего греха таить, были, и очень даже неплохие, но серьёзные отношения не складывались. Почему? Сергей считал, что в этом была его вина. Или беда? Или просто ещё не пришло время его любви. Любви с большой буквы. Не встретила ли на его пути женщина, которая была бы способна пробудить в его сердце такую любовь. А бывает ли она вообще – Любовь с большой буквы? Или это всё грёзы поэтов былых веков?

В юности Сергей был романтиком, и ему казалось, что вот-вот случится чудо: «Она пришла, как вдохновенье!» Или как это у поэта:

«Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

.....

И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь».

Но чуда всё не случилось. Было всё просто и обыденно. Он нравился многим девушкам. Некоторые нравились ему. Но

после одной-двух встреч Брусилов понимал, что это не та девушка, не его судьба. К счастью, все его расставания происходили безболезненно – ни ссор, ни упреков. Скорее всего, потому, что после одного-двух свиданий и упрекать-то было не за что. А корить за то, что не приглянулись друг другу или, как обычно говорят, не сошлись характерами, было глупо. Вот так и дожил он бобылём до тридцати двух лет. Несмотря на то что его считали завидным женихом, у него сложилась репутация человека неприступного. И в его окружении всё меньше становилось женщин, желающих обломать об него зубы. И вдруг, когда он уже и ждать перестал, чудо случилось. Он встретил её! И всё! Мир перевернулся!

Правда, она оказалась совсем не такой, какой он рисовал её в своём воображении в юности и в более поздние годы. Не юной девушкой с волосами, соперничающими по цвету с солнечными лучами, персиковой кожей и ярко-голубыми, широко открытыми навстречу миру глазами. Нет! Она была другой... Хотя светлые волосы, нежная кожа и голубые глаза были при ней. Но она была уже зрелой женщиной. Вдумчивой и серьёзной. И всё-таки он полюбил с первого взгляда и бросился в свою любовь как в омут с головой!

Но вовремя вынырнул. Сергей ведь тоже был уже не юным, взвизгивающим от восторга щенком. Он быстро понял, что вихрем эмоций её не очаровать. Красивые слова моментально увянут под её холодноватым оценивающим взглядом и станут такими же ненужными, как лепестки отцвет-

ших роз. Кстати, и охапки цветов не восхитят её, скорее вызовут раздражение. Одна роза, ветка сирени, несколько ирисов или лилий – вот что будет под стать её элегантному образу.

Мудрая, слегка уставшая и немного печальная, она была не готова к восторгам и страсти. Ей требовались спокойные отношения, скорее дружеские, чем любовные. И он решил умерить пыл и приготовился к долгому завоеванию её доверия, оставив покорение сердца на долгую перспективу. Что ж, терпения ему было не занимать.

Брусиллов набрал знакомый номер телефона и, услышав голос с лёгкой хрипотцой, проговорил в трубку:

– София...

В это время в дверь постучали, и тут же в приоткрывшуюся щель просунулась голова секретаря Сергея Можжевельникова, которого злые языки их конторы за глаза называли мальчиком на побегушках. На самом деле в этом не было ничего унижительного. Сергей учился на юридическом и подрабатывал в их конторе.

– Чего тебе? – спросил Брусиллов, прикрыв трубку рукой.

– Сергей Константинович, там к вам по важному делу.

– Хорошо, пускай войдут.

Брусиллов тяжело вздохнул и проговорил в трубку:

– Извините, Соня, я перезвоню.

– Ничего, Серёжа, – отозвался голос из трубки, – я же понимаю, работа.

Да, она на самом деле понимала. И это было ещё одной ценной чертой её характера, которой Брусилов очень дорожил.

Нонна Родионовна Потапова, Нонночка, тоже попала под чары весны и влюбилась. Впрочем, это было вполне естественно в её возрасте. Девушке только что исполнилось восемнадцать лет. В то же время Нонна Потапова вовсе не была наивной дурочкой, она была серьёзной девушкой и профессию себе выбрала соответствующую. Нонна училась в медицинском университете. Она собиралась стать кардиохирургом, как её отец Родион Ювенальевич и дед Ювеналий Аркадьевич Потаповы.

Бабушка Дуся, Евдокия Ивановна Потапова, выбор внучки одобряла. А мнение остальных не было столь уж весомым для Нонны.

Но вот угораздило же её влюбиться в студента филологического факультета Борислава. Фамилию его даже упоминать не хотелось, так как она давала повод всем её подружкам и одноклассникам для соревнований в остроумии: Труба. Борислав Труба! Девчонки так и дразнят её теперь: «Ой, Нонка, тебя Труба зовёт».

Хорошо, что характер у Нонны уравновешенный, спокойный, и вывести её из себя практически невозможно. Поэто-

му шутники и не надрываются, бросят пару шуточек и успокаиваются. Зато сам её Борюсик тот ещё приколист. Например, в самом начале знакомства, узнав, что Нонна готовится стать кардиохирургом, он одобрительно хмыкнул:

– Хорошую ты себе выбрала профессию.

Она посмотрела на него вопросительно, что-то в его голосе насторожило её, но Борислав тут же успокоил Нонну:

– Нет, я серьёзно, классная у тебя будет профессия, нужная людям.

И тут же добавил:

– Просто я вспомнил миф про сердечки.

– Про какие сердечки? – переспросила Нонна, вспомнив, как вкусно бабушка Дуся запекает куриные сердечки с луком и картошкой. «Уж не увлекается ли Борюсик кулинарией, – подумала Нонна и невольно улыбнулась, – тогда точно ему труба!» Бабушка Дуся терпеть не может, если кто-то посторонний топчется на кухне. Это её исконная территория. Она даже Нонну оттуда гонит со словами: «Вот помру, тогда и будешь тут хозяйничать». – «Что ты, бабушка, – искренне возражает Нонна, – живи ещё сто лет!» – «Проживу, – отвечает бабушка, – если ты не станешь хватать мои кастрюльки и сковородки». Так что Борюсику точно труба! Но оказалось, что Борислав кулинарией если и увлекается, то только в потребительском смысле – любит хорошо покушать. А сердечки он имел в виду совсем другие...

– Я о тех сердечках, что рисуют на открытках, например,

ко Дню всех влюблённых.

– И что же с ними не так, с этими сердечками? – неосторожно полюбопытствовала Нонна.

– По одной из фривольных версий, – начал он с энтузиазмом, потом притворно вздохнул, – впрочем, я боюсь тебя смутить.

– Выкладывай, не тушуйся! – потребовала Нонна.

– Ну ладно. Ты, наверное, знаешь, что у древних греков была богиня красоты, которую звали Афродитой.

– Это все знают.

– Ты уверена? – усмехнулся он.

Нонна неуверенно кивнула.

– Ну ладно, не в этом суть.

– А в чём?

– У этой Афродиты было как бы и второе имя – Афродита Каллипига, что переводится как «Афродита с прекрасными ягодицами». Вот и считается, что изображение сердечек сделано с ягодиц этой богини.

– Ничего крамольного в твоей версии нет, – заверила его Нонна, вопреки ожиданиям парня и не думая покрываться румянцем смущения.

«Не на ту попал», – с лёгким сожалением вздохнул про себя Борислав. Но тут же довольно хмыкнув, продолжил:

– Так самую крамольную версию ты ещё и не слышала.

– Выкладывай уж и её, – посуровела Нонна.

– А ты руки распускать не будешь? – со смехом спросил

он.

– Нет.

– Точно-точно?

– Я никогда не обманываю, – заявила Нонна.

Борислав приподнял брови и подумал про себя: «А вот в этом ты, голубушка, не зарекайся. В твоей профессии ложь во спасение такое же лекарство, как нож хирурга и успокоительное на ночь». Вслух же он сказал:

– По второй версии, сердечко формой и цветом напоминает головку мужского члена... – При этом лукавый взгляд его говорил: «Ну что, съела?»

Но Нонна и глазом не моргнула.

– Что ж, похоже, – изрекла она с видом знатока.

У Борислава чуть с языка не слетело: «Где же это ты успела оригиналов насмотреться», но он вовремя прикусил язык – всё-таки Нонна будущий медик. Им в университете небось и не такое показывают... На ум пришли потрошение лягушек, мучения лабораторных мышей, и он загрузил.

– Ты чего нос повесил? – спросила Нонна, заметившая перемену в его настроении.

– Так, ничего, – ответил он и перевёл разговор на другую, более безопасную тему: – Пошли в воскресенье в краеведческий музей.

– Вообще-то раньше, бабушка рассказывала, девушек на первое свидание в кино приглашали, – проговорила Нонна притворно мечтательно.

– Да? – недоверчиво переспросил он и ответил: – Во-первых, у нас с тобой уже не первое будет свидание, а как минимум второе, во-вторых, мы не малолетки, чтобы на последнем ряду тискаться, и в-третьих, кино теперь уже не то...

– Убедил, – рассмеялась Нонна.

– Ну, раз убедил, тогда скажи, что ты имеешь против истории родного края?

Нонна округлила глаза:

– Да ничего я против неё не имею.

– Тогда идём в краеведческий музей. – Борислав протянул девушке руку ладонью вверх.

– Идём! – звонко хлопнула она своей ладошкой по ладони парня.

В музей они сходили и остались довольны и им в общем, и новыми экспонатами в частности, а главное – друг другом.

Об особенностях характера Борислава можно было говорить до бесконечности. Так, в самом начале знакомства Нонна спросила Борислава:

– Ты любишь детей?

– С чего это ты взяла? – так явно перепугался он, что Нонна не выдержала и расхохоталась. Он смотрел на неё недоумёнными глазами. А Нонна, отсмеявшись, объяснила:

– Просто я подумала, что ты после университета хочешь стать учителем.

– Боже упаси! – вырвалось у него. – Я собираюсь стать журналистом.

– Ага, – подколола его Нонна, – детей ты учить не хочешь, а жареные сплетни выплёскивать со страниц жёлтых газет – самое то.

– Ничего подобного, – обиделся Борислав, – я собираюсь работать в серьёзном журнале, поэтому и учусь на филологическом.

Больше они к этой теме не возвращались. Но очень скоро Нонна поняла, что, несмотря на свой весёлый характер, Борислав – кладёзь знаний не только по литературе, языку, но и по истории, философии, он неплохо разбирается в живописи и вообще в искусстве. Любит театр, отдаёт предпочтение классической музыке. А как он фотографирует! И... разводит дома кактусы. Для души, как он ей объяснил.

Нонна не была поклонницей кактусоводства, но разумно рассудила, что её любимый человек имеет право на оригинальное хобби. Хотя лично она предпочитала розы, тюльпаны, пионы, сирень, ландыши. И в этом не было ничего оригинального для девушки её возраста, как, впрочем, и для любой другой среднестатистической женщины.

Было, однако, ещё одно «но». Рассудительную Нонну слегка беспокоило, что скажет об объекте её любви Данила Ильич... Ей очень хотелось, чтобы они понравились друг другу. Тем более что отказываться от Борислава Нонна не собиралась. Так что теперь мяч был на стороне Сафронкова.

Было шесть часов вечера. Хозяин небольшого магазинчика, торгующего всякой снедью и бытовой химией, Эдуард Иннокентьевич Кобенко сам сидел за кассой. Народу было мало, и Эдуард вполне мог смыться, оставив магазин на своего зама Алину Кутафьеву. Алина была тёткой хорошей, покладистой, одна воспитывала двоих сыновей-погодков и никогда не спорила с хозяином по коммерческим вопросам. Звала его наедине Эдиком, по-матерински опекала, подкармливала домашними борщами, котлетами и пирожками, советовала жениться. А он в ответ только посмеивался и подбрасывал ей денюжат сверх зарплаты в те месяцы, когда шла активная торговля и прибыль была ощутимой для его кармана. К тому же он разрешал Алине брать домой из магазина продукты, невольно вспоминая, что они с братом тоже росли без отца. Мать надрывалась на двух работах и слегла, когда они только-только оперились. Эдуард тяжело вздыхал и корил себя за то, что не уберёг мать от хвори и раннего ухода.

Брат его Иннокентий, или, если ласково, Кеша, после школы уехал учиться в Москву, там и остался. А он окончил торговый техникум, решив, что и этого образования ему за глаза хватит. Поначалу Эдуард помогал брату, но потом тот окончил университет и укатил на стажировку в Канаду. Там

женился и осел. Эдуард брата не осуждал, хотя, чего греха таить, хотел бы, чтобы тот со своим семейством был у него под боком. Но, видать, не судьба. Брат часто звал Эдуарда на постоянное жительство к себе, но тот отнекивался, отговариваясь русской поговоркой: «Где родился, там и пригодился». Иногда, правда, ездил к брату в гости. И всякий раз ворчал:

– Чего тебе в России не жилось? Тот же климат, та же холодрыга зимой.

Брат в ответ только посмеивался. А вот за что Эдуард брата уважал, так это за то, что он не только сыновей научил по-русски говорить – даже жена Кешкина на русском вполне прилично лепечет.

Эдуард вздохнул и подумал о том, что неплохо было бы со Светкой закатиться в клуб «Рыжая ослица». Но она, вишь, сегодня не может. Жаловалась, как всегда, на мать и намекала, что неплохо было бы им оформить свои отношения.

Легко сказать – оформить отношения. Было бы что оформлять. Нет, Эдуард ничего не имел против Светы, как женщина она ему нравилась. Но жениться – это совсем другое дело. К тому же отношения у них со Светкой были запутанные. Он встречался с ней пару месяцев, а потом как-то так случилось, не на трезвую, конечно, голову, что он сошёлся с её подругой Софьей и даже стал жить с ней. Но в один прекрасный, вернее, совсем не прекрасный день Софья отправилась на кастинг. Вбила девка себе в башку, что она

создана для того, чтобы блистать на подиуме. И надо же было такому случиться, что на неё запал директор модельного агентства. И не так чтобы переспать пару раз и расстаться, мужик настолько потерял башку, что развёлся с женой, осиротил двоих детей и женился на Соньке. А Эдуард остался с носом. Или с рогами? Неизвестно, как правильно. Он сначала, конечно, запил. Но потом одумался – благодаря Алине, которая точила его денно и ночью, всячески наставляла на путь истинный, даже проявила своеобразное новаторство и подсунула ему диск со старой песней, в которой пелось о том, что если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло. Как ни удивительно, этот психологический приём Алины подействовал, Эдик из запоя вышел. И опять начал встречаться со Светланой.

«Дурак, конечно, – думал сам про себя Эдуард, – но видеть, мне так на роду написано».

Эдуард вздохнул в который раз и подумал о том, что магазин он всё-таки сегодня оставит на Алину, тем более что до закрытия осталось всего ничего, и один завалится в «Рыжую ослицу», а там авось и познакомится с какой-нибудь скучающей девицей, чтобы скоротать вечер, а может быть, и ночь. Это уж какой расклад выпадет.

Он уже было поднялся со стула и собрался крикнуть Алину, как вдруг дверь магазина распахнулась, и в неё влетел разноцветный смерч. Лишь когда это явление природы остановилось перед Эдуардом, он узнал в нём Софью.

– Ты, – закричала она, наставив на него палец, – сволочь ты! Вот кто ты есть!

– Сама сволочь, – не остался в долгу Эдуард, – говори, чего пришла, и уматывай отсюда!

– Чего я пришла? – закричала молодая женщина. – В рожу твою бесстыжую пришла плюнуть! Не успел мой след остыть, как ты опять к Светке клинья подбил! А она, между прочим, моя подруга!

– Значит, тебе можно замуж выходить, а мне полагается верность блюсти? Может, мне ещё в монастырь уйти прикажешь? – спросил он ехидно.

У Софьи от ярости перехватило дыхание, она разевала рот, но не могла произнести ни слова.

– А о том, что Светка твоя подруга, – продолжил Кобенко, – надо было раньше думать, в тот самый миг, когда ты меня в первый раз в койку тащила. Знала ведь, что я со Светкой сплю. Но это тебе никак не помешало.

– Наглец! – прорвало Сафронкову. – Это, значит, я тебя в койку затащила? Постыдился бы так нагло врать!

Софья уже собиралась вцепиться Эдуарду в волосы, как из служебной двери выбежала Алина, а вместе с ней здоровенный грузчик, он же надсмотрщик за порядком в магазине, Емельян Ухватов. Алина указала на Софью, и Ухватов, не произнеся ни слова, схватил её за шкуру, точно кутёнка, и вышвырнул из магазина. Софья грохнулась на тротуар, порвала джинсы и до крови ободрала коленки. Охая и визжа,

она с проклятиями бросилась к магазину, но дверь была закрыта изнутри. Поругавшись ещё несколько минут, Софья, прихрамывая, двинулась к своей машине, забралась в неё и уехала.

– Спасибо, братцы, – сказал между тем Эдуард Алине и Емельяну, – выручили, век не забуду.

– Да чего там, – отмахнулся Ухватов.

А Алина ничего не сказала, только покачала головой.

– Да исправлюсь я, исправлюсь, – счёл он нужным заверить её в который раз.

Вернувшись домой, Софья долго отмокала в ванной. Она сама не знала, чего её понесло к Эдуарду. Хотя, нет, знала, просто признаваться себе не хотела. Перед этим она долго звонила мужу, но телефон Данилы всё время был занят, а потом и вовсе отключился. И тогда невольно всплыли в памяти слова Светланы о том, что её Данила сделан из другого теста. А выходит, что вовсе и не из другого. До Данилы было не дотянуться, вот она и решила сорвать зло на Эдуарде. Хотя он прав, она первая ушла от него, украв его перед этим у Светланы. Казалось, всё вернулось на круги своя. Но Софья почему-то была уверена, что Эдуард будет о ней тосковать. А оно вон как вышло, быстро он утешился, и опять же со Светкой. Засыпая, Софья поклялась отомстить изменщику. Только кому из двоих? Мужу или любовнику? Или им обоим...

Глава 3

На следующий день утром от переживаний Софьи не осталось и следа. Тем более что муж сам позвонил ей и извинился, смущённо объясняя, что допоздна был занят важными переговорами, а когда увидел её пропущенные вызовы, была уже ночь, и он, побоявшись разбудить её, отложил звонок до утра.

– Как ты там, моя девочка? – спросил он вдоволь наизвинявшись.

– Очень даже неплохо, – ответила она сдержанно, решив, что нечего его баловать всепрощением, но не удержалась и сообщила, что идёт сегодня в салон красоты.

– В какой? – проявил живой интерес супруг, теща своим вниманием самолюбие молодой жены.

– В «Шамаханскую царицу»!

– Не знал, что у нас есть такой салон красоты.

– А ты много чего не знаешь! – вырвалось у Софьи, но она вовремя прикусила язык. Муж-то у неё на самом деле далеко не дурак, так что нечего попусту дразнить гусей.

Но Данила на грубость жены прореагировал спокойно:

– «Есть многое на свете, друг Горацио, что недоступно нашим мудрецам».

Софья невольно хмыкнула в трубку и спросила:

– Надеюсь, ты не возражаешь?

– Нет, конечно. Деньги у тебя есть.

– Если ты имеешь в виду карту, – заныла Софья, – то там денег осталось с гулькин нос.

– Я вчера тебе ещё подкинул.

– Ишь, какой предусмотрительный, – хихикнула жена, – и когда ты только всё успеваешь.

– Всё не всё, – вздохнул Сафронков и заверил жену: – Но ты у меня на первом месте.

– Хотелось бы в это верить, – притворно недоверчиво проворчала она. И тут же спросила: – Ты не забыл, что обещал отвезти меня в Испанию?

– Как я мог об этом забыть, – рассмеялся Сафронков, – я же не совсем старелый дед, хоть и не так молод, как ты, моя красавица.

– Муж и должен быть старше жены, – заверила его Софья и поторопилась закончить разговор: – Ладно, Даня, пока. Мне уже бежать надо.

– Куда?

– Да в салон же! – нетерпеливо воскликнула она. – А ещё хвастался, что не старей! – Софья рассмеялась и отключила связь прежде, чем муж успел что-то ответить или хотя бы попрощаться. Чтобы не дать ему возможность перезвонить, она и вовсе отключила телефон.

Муж Софьи Данила Сафронков тоже был доволен тем, как закончился разговор с женой. Перед тем как позвонить ей, он боялся, что она устроит ему скандал. Вчера Данила со всеми делами закончил ещё в пять вечера, а потом долго разговаривал с Нонной Потаповой. При воспоминаниях о Нонне на губах Данилы появлялась нежная задумчивая улыбка. Ах, Нонна! Ей всего восемнадцать. И она точная копия своей матери. Те же каштановые волосы, мягкие, точно бархатные карие глаза, сочные яркие губы, лёгкая смуглость лица и румянец во всю щёку, появляющийся сразу, стоит девушке хотя бы слегка взволноваться. Нонна так хороша, что сердце сладко замирает, когда смотришь на неё. Но характер у неё кремень. И профессию она выбрала себе далеко не женскую. Окончит институт и станет хирургом-кардиологом. Когда Данила узнал, что Нонна решила стать медиком, то в шутку посоветовал ей:

– Училась бы лучше на стоматолога.

– Это ещё почему? – сдвинув соболиные брови, спросила Нонна.

– Всегда была бы при деньгах, – ответил Данила.

Нонна на это ничего не ответила, только сильнее нахмурилась, и Сафронков догадался, что девушка обиделась. Чтобы загладить свою оплошность, он тотчас же проговорил успо-

каивающе:

– Нонна, ты что, шуток не понимаешь? Я же пошутил.

– Ну если пошутили, тогда ладно, – оттаяла девушка.

А с женой Софьей не всё так просто. Данила невольно вздохнул. Если она узнает, что вместо звонка ей он долгие часы разговаривал с Нонной, то просто взбесится! И станет осыпать проклятиями не только его, но и Нонну. Хотя он сто раз объяснял ей, но что толку, – Данила мысленно махнул рукой. Ситуация с самого начала была запутанной и с каждым днём затягивалась всё туже. Древние говорили, что узел надо разрубать. Мудрые они были, эти древние греки. Не то что он.

Данила женился на Софье очертя голову, увидел ее – и сразу решил, что эта девушка будет его женой. Молодая, красивая, бойкая. Прозрение стало наступать довольно быстро. Первым неприятным открытием оказалось то, что глаза у Софьи вовсе не ярко-голубые, а серые. Голубыми их делали цветные линзы. То, что она не натуральная блондинка, а крашеная, он знал с самого начала. Однако вкупе с линзами и крашенные волосы стали напрягать Данилу, несмотря на то что всё остальное у Софьи было натуральным. Но, в отличие от его первой жены, она не читала книг, только модные журналы. Театр, музыка, живопись были для Софьи пустым звуком. Она не хотела ехать на Байкал или Саяны... Нет, только модные курорты. Музеям она предпочитала бутики. И постоянно требовала денег. Такую сумму он не тратил на

всю свою первую семью – жену и двоих детей. Кстати, о первой жене и детях – Софья их не переваривала и постоянно требовала, чтобы он тратил на детей как можно меньше денег. Он пытался объяснить ей, что это его дети и он несёт за них ответственность. Плюс ко всему он их искренне любит и вовсе не собирается отказываться от заботы о них. Сначала Софья презрительно фыркала, а потом начала злиться всерьёз и устраивать ему скандалы. Данила, не привыкший к такому поведению женщины в семье, сначала растерялся, а потом тоже начал злиться. Он старался всеми возможными способами избегать ссор и поэтому лгал Софье всё чаще, изумляясь самому себе. Ведь в первой семье у него с женой были доверительные отношения, при которых лгать и изворачиваться не приходилось ни ей, ни ему. И теперь он всё больше убеждался в том, что правы были те друзья, что предостерегали его с самого начала от скоропалительного брака, а теперь в глаза называют ослом. Дожил, что называется.

И потом, были ещё родители Софьи, её сёстры и братья. Она не общалась с ними и даже отказалась приглашать их на свадьбу. Почему он стерпел? Не насторожился? Ведь он успел выяснить, что все они приличные люди. Правда, простые, деньги на жизнь зарабатывают своим трудом и кроме работы на предприятии кормятся ещё с огорода. С просьбой к нему они обратились всего лишь один раз, когда их бабушке потребовалась помощь. Деньги он дал сразу, и они обе-

щали их постепенно вернуть. Он тогда только отмахнулся. А Софья, узнав о его помощи её родственникам, взбеленилась и не разговаривала с ним целую неделю. Родственники же, как и обещали, начали постепенно выплачивать ему долг, несмотря на все его просьбы не делать этого. Они все переводили ему ежемесячно маленькие суммы и упорно продолжали делать это до сих пор.

Данила снова вздохнул и стал набрасывать карандашом на листе бумаги, случайно оказавшемся перед ним, голову осла.

За окном уже ярко светило солнце, день обещал быть тёплым и радостным. Напевая себе под нос незатейливый припев из недавно услышанной попсовой песенки, Софья красилась, одевалась, крутилась у зеркала, пока не решила, что она неотразима и готова к выходу в люди. Через полчаса её маленький розовый автомобильчик уже остановился перед салоном.

Яркая вывеска с крупными буквами, украшенная завитушками под старину, сразу бросалась в глаза. А за стеклом в витрине салона сидела большая, в человеческий рост, кукла в ярком восточном наряде, с волосами цвета смолы и такими же чёрными удлинёнными глазами. Казалось, что эти миндалевидные глаза гипнотизируют каждого, кто имел неосторожность заглянуть в них. Даму, попавшую в поле их притяжения, ноги сами собой несли к заветной двери. И дверь та мгновенно и бесшумно открывалась перед посетительницей.

Софья, как зачарованная, шагнула в салон. Премиленъ-

кая девушка на рецепции гостеприимно улыбнулась Софье и предложила ознакомиться с набором услуг, предлагаемых их салоном.

Софья уже знала, что начнёт с массажа и обёртываний, но женское любопытство взяло верх, и она с интересом выслушала всё, что говорила ей девушка Лена Королькова – имя её и фамилия были указаны на бейджике. К концу лекции Сафронкова уже была преисполнена уверенности, что перепробует на себе все перечисленные услуги. Но пока...

– Лена, – проговорила она с воодушевлением, – всё, что вы мне рассказали, просто замечательно! Но начать я бы хотела с массажа и обёртываний от целлюлита. Понимаете, – принялась она объяснять, – мы с мужем летом поедem в Испанию, и сами понимаете, что я должна выглядеть на все сто.

– Конечно, конечно, – закивала Лена и как бы невзначай спросила: – А вам кто-нибудь порекомендовал наш салон?

– Да, моя подруга Светлана Кочеткова. Она просто в восторге от вашего салона.

Королькова вспомнила названную девушку и подумала, что как клиентка Кочеткова ниже среднего. Но деньги всё-таки платит, и последнее время её явно кто-то спонсирует. А подруга её – Елена оценивающе посмотрела на Софью – явно денежная штучка. «Видно, муж из богатеньких, – с завистью подумала девушка и тут же успокоила себя: – Небось старичок за сорок-пятьдесят, с соответствующим набором – кошелёк, лысинка, пузико», – Елена невольно улыбнулась.

Софья решила, что улыбка предназначена ей как перспективной клиентке, и подумала самодовольно: «Ничего, вы меня ещё не так облизывать будете».

После подписания договора и оплаты в кассу Софья наконец оказалась в умелых руках массажиста. Она сама настояла на такой последовательности – сначала массаж, потом обёртывание размоченными водорослями. Ей сначала намекнули, что эти процедуры хорошо бы разделить. Но Софья капризно топнула ножкой – я хочу так! И спорить с ней не стали, решив, что клиент всегда прав, особенно если он платит такие деньги.

Хозяйкой кабинета, где делали обёртывания, оказалась довольно симпатичной женщиной лет тридцати пяти или тридцати семи. У неё были добрые глаза и ловкие, мягкие, ласковые руки. Оказавшись в этих руках, Софья ощутила себя маленькой девочкой. Она расслабилась и сладко задремала. Во сне ей привиделась её старенькая бабушка, которая когда-то качала её люльку и пела колыбельную. Много позже Софья узнала, что сочинил эту чудесную вещь о глупом мышонке Самуил Маршак. И говорились в ней о том, что мышонку не понравилось пение ни одной из нянек, что приводила ему мать. И лишь пение кошки убаюкало мышонка. Как следует из песенки, убаюкало навсегда.

«Глупый маленький мышонок», – повторила она мысленно.

Софье было так хорошо, что она даже не слышала звонка

телефона, короткого разговора и того, как мастер сказала, что ей нужно ненадолго выйти.

Тем временем массажистка, чертыхаясь, прикрыла за собой дверь кабинета и поспешила к заведующей, ворча на ходу на начальницу за её привычку вызывать работников к себе по пустякам в рабочее время.

Возвращаясь назад, она почти бежала, хотя прошло каких-то пятнадцать минут и клиентка не должна была ещё начать волноваться, что мастер отсутствует. Но тем не менее. Дойдя до двери, женщина перевела дыхание и шагнула в кабинет. Она вымыла руки и подошла к клиентке.

И вдруг дикий крик вырвался в коридор и проник во все расположенные рядом кабинеты. Прибежавшие люди увидели лежащую без сознания женщину и стали приводить её в чувство. И только тут кто-то с удивлением заметил, что клиентка никак не реагирует на поднявшийся переполох. При ближайшем рассмотрении оказалось, что девушка задушена поясом. Перепуганный персонал был вытолкан старшим менеджером в коридор. Тут же были вызваны полиция и «Скорая помощь».

Мастера по обёртыванию звали Ева Гордеевна Мониная. До приезда «Скорой помощи» она уже пришла в себя и сообщила, что её вызвала к себе заведующая. Она отсутствовала всего каких-то пятнадцать минут. Когда вернулась, увидела, что пациентка задушена своим же поясом. От госпитализации Мониная отказалась. Ей вкололи успокаивающий укол и

оставили для разговора с полицией.

Глава 4

Оперативная группа, прибывшая на место преступления, была встречена всё тем же старшим менеджером, а выражаясь по-русски – заместителем хозяйки салона. Звали второе лицо салона Павел Антонович Силаев. Саму хозяйку Алевтину Самойловну Горшкову врачи «Скорой» тем временем отпаивали сердечными каплями. А Алевтина Самойловна хваталась то за сердце, то за голову и ежеминутно стонала.

Стоны Горшковой страшно действовали на нервы Леночке Корольковой, но сделать замечание начальнице она не осмеливалась, только кусала губы и молила про себя небеса, чтобы полиция поскорее приступила к расследованию.

Следователь Александр Наполеонов тем временем задержался снаружи. Он увидел сидящую в витрине салона «Шамаханскую царицу» и мысленно плюнул: «Век маркетинговых технологий! Чтоб их разнесло и шмякнуло». И с гордостью подумал о подруге детства – частном детективе Мирославе Волгиной. Вот уж на кого никакие приёмчики не действуют. Невольно Наполеонов вспомнил, как однажды ещё в студенческие годы один гастролёр на спор взялся загипнотизировать никак не реагирующую на него студентку юрфака Мирославу Волгину. Дело тогда закончилось плачевно. Для гипнотизёра, разумеется. Он так старался, что от натуги бухнулся в обморок. Пришлось вызывать ему «Скорую».

А студент Долгоносиков, который и затеял всю эту авантюру с гипнозом на спор, не постеснялся отправиться к мэтру в больницу и содрать с него проспороенную сумму. Деньги тогда прокутили в маленьком ресторанчике. Правда, Мирослава категорически отказалась гулять на халявные деньги. Из-за солидарности с сестрой в ресторанчик не пошёл её двоюродный брат Виктор, ну и он, Шура Наполеонов, их общий друг, конечно, тоже остался без маленького праздника. А жаль! Говорят, славная получилась пирушка. Гипнотизёр же, оправившись от потрясения, сразу после выписки из больницы укатил из их города и больше уже никогда не посещал его с гастрольями.

Наконец Наполеонов подошёл к двери и, задумавшись, собрался толкнуть её, но она сама открылась перед ним, без всякого «Сим-сим, откройся».

Первым в холл, где собрался почти весь персонал, влетел Валерьян Легкоступов.

– Где? – спросил он.

– Что где? – тихо пискнула Леночка Королькова, глядя на Валерьяна широко раскрытыми глазами. Ей показалось, что она никогда не видела таких молодых и красивых сотрудников полиции. Леночка по неопытности приняла Валерьяна за следователя и теперь мысленно таяла, представляя, как он будет допрашивать её.

– Где труп, спрашиваю? – повторил Легкоступов с нажимом.

– Там, – махнула куда-то неопределённо рукой Горшкова.

Валерьян недоумённо перевёл взгляд с Леночки на Алевтину Самойловну. На помощь ему пришла Ева Гордеевна Моница, которая после укола пришла в себя:

– Идёмте, я вам покажу. – И она направилась в сторону своего кабинета.

Не успел Легкоступов приступить к работе, как в помещение ввалилась вся оперативная группа во главе с Наполеоновым. Сообщение, что именно он и является следователем, огорчило Елену Королькову, и разочарование было так явно написано на её лице, что один из оперативников не удержался и громко фыркнул. Наполеонов бросил на него сердитый взгляд и поспешил на звуки щёлкающего фотоаппарата. Легкоступов к этому времени уже развернулся вовсю.

– Достаточно, достаточно! – замахал руками Наполеонов.

– Ты чего лезешь вперёд батьки в пекло? – недовольно пробасил эксперт Незовибатько.

– Вот именно, порядок соблюдать надо, – жизнерадостно поддержал коллег судмедэксперт Руслан Каримович Шахназаров и склонился над трупом.

– Кто успел, тот и поспел, – огрызнулся на них Легкоступов и тут же добавил успокаивающе: – Да ничего я тут не трогал, успокойтесь уже, пожалуйста.

– Зато натоптал, как жираф, – проворчал Наполеонов.

– При чём тут жираф? – обиделся фотограф.

– А ты посмотри на свои ноги!

– У жирафа не ноги длинные, а шея, господин зоолог, – не остался в долгу Валерьян.

Никто ему не ответил, все уже занимались делом.

– Ну что скажешь, Руслан Каримович? – спустя некоторое время спросил Наполеонов.

– Сейчас могу только сказать, что задушена она поясом и смерть наступила не позднее одного часа назад. Остальное, сам знаешь, после вскрытия.

Наполеонов махнул рукой и отправился опрашивать свидетелей. Легкоступов и Шахназаров уехали. В комнате, где было совершено убийство, остался только Незовибатько с помощником.

Павел Антонович любезно уступил следователю для работы свой кабинет, а сам остался сидеть со всеми в холле. Войдя в кабинет, Леночка растерянно огляделась, точно попала сюда впервые, потом покорно опустилась на стул, указанный следователем.

– Ваше имя, отчество, фамилия?

– Елена Олеговна Королькова, – тихо ответила девушка.

– Где работаете?

– Да в салоне же!

– Это понятно. Кем?

– На рецепции.

– Как давно вы здесь работаете?

– Третий год пошёл с февраля.

– Насколько я понимаю в делах вашей конторы, – он оки-

нул взглядом кабинет, но Лена догадалась, что следователь имеет в виду весь их салон, – с клиентами первой общаетесь именно вы.

– Да, это так, – со вздохом согласилась Елена.

– Расскажите мне о визите убиенной клиентки.

– Да что рассказывать? – воскликнула Королькова и воздела руки к потолку. – Нечего рассказывать!

– И всё-таки, – мягко, но настойчиво проговорил следователь.

– Она пришла, сказала, что хочет привести себя в божеский вид к лету.

– В божеский вид? – удивлённо переспросил следователь. – Она вроде и так хорошо выглядит. – Он запнулся.

Много вы понимаете в женской красоте, говорил посланный ему исподлобья взгляд Корольковой. Вслух Елена сказала:

– Она хотела избавиться от целлюлита перед поездкой в Испанию.

– Это она вам сказала? – уточнил следователь.

– А то кто же ещё?

– Больше она ничего не хотела?

– Ну, вообще-то, – замялась Елена, – я рассказала ей обо всех предоставляемых услугах салона.

– Зачем?

– Затем! Мы всем клиентам об этом рассказываем, – быстро добавила Королькова.

«Знамо дело, – подумал про себя Наполеонов, – вам главное – заарканить какую-нибудь глупышку и высасывать деньги из кармана её мужа с мощностью хорошего пылесоса».

Угадав его мысли, Королькова пожала плечами:

– Это просто ознакомительная лекция, никто никого не неволит. Вот взять хотя бы Сафронкову. Она выбрала только массаж и обёртывания.

– А об остальном обещала подумать, – язвительно заметил следователь.

– Ну обещала, – не стала отрицать Королькова.

– Так, – следователь побарабанил по столу пальцами, – идём дальше, вы оформили её и послали.

Королькова удивлённо посмотрела на Наполеонова.

– Я имею в виду – к массажисту?

– Да, – кивнула девушка.

– Сафронкова, случайно, не говорила, кто ей рекомендовал ваш салон?

– Почему же случайно, – неожиданно для следователя обиделась Королькова – где ему было знать, что это входит в обязанности Елены. Она должна была по мере возможности узнавать, кто именно рекомендовал их салон новым клиентам. И она со своими обязанностями справлялась на отлично. По крайней мере, хозяйка салона Алевтина Самойловна была её работой довольна.

– Так кто же рекомендовал Сафронковой ваш салон? –

повторил следователь свой вопрос.

– Светлана Кочеткова.

– А отчество у Кочетковой есть?

– Геннадьевна она.

– Значит, Светлана Геннадьевна Кочеткова – ваша постоянная клиентка. Я вас правильно понял?

– Можно сказать и так, – задумчиво проговорила Елена.

– Почему можно сказать?

– Видите ли, если бы вы спросили меня об этом с полгодика назад, я бы назвала Кочеткову нашей постоянной клиенткой с натяжкой.

– Это ещё почему?

– Потому что раньше она ходила к нам хоть и регулярно, но редко. А в последнее время зачастила.

– Вы подозреваете, что у неё появился богатый спонсор или небедный постоянный любовник.

Королькова пожала плечами.

– Хотя это одно и то же, – вздохнул следователь.

– Не скажите, – не согласилась девушка.

Следователю было недосуг выяснять, в чём же, по её мнению, состоит различие, и он задал другой вопрос:

– А кем Кочеткова доводилась Сафронковой?

– Подругой, как она мне сама сказала.

– Что ещё вы могли бы сказать мне об убитой?

Елену невольно передёрнуло, и она торопливо ответила:

– Больше ничего.

– После того как она ушла к массажисту, вы её уже не видели?

– Нет.

– Вы не заходили в кабинет после случившегося?

– Нет.

– Кто вам сказал, что клиентку убили?

– Павел Антонович. А до этого все слышали, как Ева орала благим матом. Во всех кабинетах от её децибел чуть двери не повышибало.

– Вы не знаете, кто первым прибежал на крик Мониной?

– Там рядом кабинет татуажа. И кажется, Инна Витальевна на крик Евы первой прибежала. Потом примчался наш охранник Корней. А он уже доложил Павлу Антоновичу.

– Почему не Горшковой?

– Откуда мне знать, – пожалала плечами девушка.

– Как фамилия Инны Витальевны и Корнея?

– Она Лагутина. А он Горячев.

– Хорошо, вы можете пока идти. И пригласите ко мне Лагутину, если она сидит в холле.

– Куда же она денется, – проворчала Королькова и скрылась за дверь.

Дверь вскоре снова открылась без стука.

– Можно? – спросил женский голос.

– Да, если вы мастер татуажа Лагутина Инна Витальевна.

– Она самая, но вам, надеюсь, татуаж не нужен, – попробовала пошутить женщина.

Но следователь на шутку не отреагировал, он окинул вошедшую быстрым взглядом с ног до головы и кивнул на стоящий напротив него стул.

– Садитесь, Инна Витальевна.

Она села и, с интересом разглядывая его, проговорила:

– Только я ведь ничего не знаю.

– Когда вы впервые увидели убитую?

– Я её вообще не видела.

– То есть?

– Не видела, и всё. Что же тут непонятного?

– Вы вошли в кабинет Мониной...

– Не вошла, а вбежала, – прервала Наполеонова Лагутина. – Ева так кричала!

– Хорошо, вбежали и не обратили внимания на труп?

– Я не всматривалась. Видела, что там кто-то лежит. Но не думала, что она неживая. Зато я увидела на полу Еву. Вот тогда у меня и промелькнула мысль, что её убили.

– Монину?

– Ну да.

– А потом?

– Сразу после меня вбежал Корней. Он тоже сначала кинулся к Еве. Стал приводить её в чувство. Вызвал «Скорую». И только тут заметил странную позу клиентки, а главное, то, что она никак не реагирует на переполох. Тут-то Корней и увидел.

– Что увидел?

– Что её шея стянута поясом. Вызвал полицию и доложил Павлу Антоновичу.

– А не наоборот?

– Может, и наоборот, – смутилась женщина.

– Дальше?

– Силаев всех выгнал из кабинета в холл, где уже собрались остальные сотрудники. Ну и к этому времени сначала приехала «Скорая», потом вы.

– Хорошо, Инна Витальевна, идите и пригласите Силаева.

Павел Антонович постучал в кабинет, как это и полагается интеллигенту уже неведомо в каком поколении, и, только когда следователь сказал «да-да», вошёл в собственный кабинет.

– Чего же вы стучите, Павел Антонович, кабинет-то ваш, – пряча улыбку в уголке рта, проговорил следователь.

– Пока вы в нём работаете, он ваш, – серьёзно ответил Силаев.

– Понятно, – неопределённо протянул Наполеонов и спросил: – Как вы узнали о ЧП, произошедшем в вашем салоне?

– Мне позвонил Корней Горячев, наш охранник, и отпрапортовал.

– И вы поспешили на место происшествия?

– Конечно, – удивлённо ответил Силаев.

– Лично вы убитую не знали?

– Нет. Откуда же?

– Мало ли...

– Нет, я её не знал, – твёрдо заявил Силаев.

– И вы понятия не имеете, кто мог её убить?

– Не имею.

– Вы давно работаете в салоне?

– Уже одиннадцать лет.

– И всегда были замом Алевтины Самойловны?

– Не всегда, – задумчиво проговорил Силаев. – Много лет я преподавал на кафедре пединститута.

– И какой же предмет, разрешите полюбопытствовать?

– Историю, – тяжело вздохнул Силаев.

– Прежнее место работы оставили по материальным соображениям?

– Нет, – покачал головой мужчина. – Просто раньше салон принадлежал Юрию Самойловичу Горшкову.

– Это муж нынешней хозяйки?

– Нет, старший брат. У Юры с Алей большая разница в возрасте. Как и у нас с ней. Юра был моим другом. А Аля росла у меня на глазах. – Павел Антонович снял очки, достал из кармана пиджака белоснежный платок и тщательно протёр стёкла, прежде чем снова водрузить очки на нос.

– Почему же салон не перешёл к наследникам прежнего владельца?

– Так Аля и есть наследница! – удивлённо воскликнул Силаев.

– А как же жена, дети вашего покойного друга?

– Какая жена и дети? У Юры никогда не было семьи. Вер-

нее, Аля и была его семьёй.

– Понятно. Но это всё не объясняет, почему вы стали её замом.

– Так Аля меня попросила!

– Она не нашла никого другого?

– Никому другому она не доверяла. А я... Я уже говорил вам, что знал её с детства.

– Понятно. Павел Антонович, вы можете что-то ещё добавить по существу?

– По существу? – переспросил Силаев.

– Да, может, вам что-то известно о деталях убийства.

– Да помилуйте, откуда же? – Силаев всплеснул руками. –

Вы полиция, вам и узнавать все детали.

– Что ж, спасибо за помощь. Позовите, пожалуйста, охранника Горячева.

– Сию минуту, – ответил Павел Антонович, поднялся со стула, неспешно подошёл к двери, осторожно открыл её и так же тихо, но уверенно закрыл.

Вскоре в коридоре послышался топот, потом в дверь громко постучали и, не дожидаясь ответа, распахнули её. На пороге стоял высокий накачанный парень лет двадцати восьми.

– Вы меня звали? – спросил он и кивнул назад. – Павел Антонович сказал.

– Да, я просил вас зайти, – ответил Наполеонов, стараясь не улыбнуться. – Вы ведь Корней Владимирович Горячев?

– Ага.

– Присаживайтесь.

Устойчивый на вид стул ворчливо заскрипел, когда на него уселся Горячев.

– Расскажите мне, пожалуйста, о случившемся.

– Да тут и рассказывать нечего, – тяжело вздохнул Корней. – Слышу я, значит, кто-то орёт. Кто именно – сообразил не сразу. Ленка Королькова мне подсказала, что вопль несётся из кабинета Евы Мониной. Я и ломанулся туда. Захожу в кабинет. Там уже стоит Инна Витальевна, и Ева на полу лежит.

– А убитая?

– Её мы не сразу заметили. А как заметили, то я сразу вызвал полицию, то есть вас. – Горячев облизал губы.

– Вы, Корней, правильно поступили, – ободрил его следователь.

– Так у меня же инструкция, да и свои мозги имеются. – Он выразительно постучал пальцами по лбу.

– Когда вы увидели убитую в первый раз?

– Когда она входила в салон.

– А до этого вы с ней не встречались?

– Нет, она вообще не в моём вкусе.

Следователь удивлённо посмотрел на охранника, но ничего не сказал.

Глава 5

Следователю осталось допросить двух самых важных, с его точки зрения, персонажей – массажистку и хозяйку салона. Начать он решил с Евы Мониной.

Когда женщина вошла в кабинет и осторожно села на краешек стула, Наполеонов решил, что она уже вполне пришла в себя, по крайней мере, для пережившей шок Монины держится совсем неплохо. Для установления контакта он решил начать с формальных вопросов.

– Ваша фамилия, имя, отчество.

– Ева Гордеевна Мониная.

– Как давно вы работаете в салоне?

– Шесть лет.

– Что входит в ваши обязанности?

– Я делаю массаж и обёртывания.

– Вас устраивает ваша работа?

– Вполне.

– Вы ладите с клиентами?

– Я делаю то, что положено. И больше никаких отношений с ними не поддерживаю.

– Когда и где вы впервые увидели Софью Сафронкову?

– Сегодня, у себя в кабинете.

– Какое она на вас произвела впечатление?

– Положительное.

– То есть?

– Сразу видно, что обеспеченная, а значит, перспективная клиентка.

– Вы о чём-нибудь говорили с ней?

Ева на мгновение задумалась, потом сказала:

– Да, собственно, ни о чём не говорили. Так, обменялись парой-тройкой ничего не значащих фраз.

– И о чём же были эти ничего не значащие фразы?

– Она похвасталась, что едет в Испанию с мужем.

– И вы ей позавидовали? – улыбнулся следователь.

– Пожалуй, нет. Я сама собиралась в следующем месяце в Сочи.

– С мужем?

– У меня нет мужа, – сухо ответила Ева.

– Ещё что-нибудь клиентка сказала?

– Нет, только спросила, сколько потребуется сеансов для идеального результата.

– И вы ей ответили?

Монина согласно кивнула.

– Теперь главный вопрос, почему вы оставили клиентку на длительное время одну?

– Всего на пятнадцать минут, и то не по своей воле, – попыталась оправдаться Монина.

– По чьей же?

– Меня вызвала к себе в кабинет Алевтина Самойловна.

– Такое часто случалось прежде?

– Почти каждый день, – вздохнула женщина.

– То есть Горшкова каждый день вызывала вас к себе в кабинет во время сеансов?

– Необязательно меня, всех, – ответила Ева.

– Что значит всех?

– Я имею в виду персонал салона.

– У неё что, такая манера решать производственные вопросы? – удивился следователь.

– Какой там, – отмахнулась Ева, – вы меня извините, конечно, но, по-моему, наша начальница мается от скуки.

Наполеонову послышалось – мается дурью.

– И отчего же Алевтина Самойловна скучает? – спросил следователь. – Разве ей нечем заняться? Мне всегда казалось, что собственный бизнес, каким бы он ни был, требует много времени и умственных затрат.

– Требовать-то он требует, – со вздохом согласилась Монина, – но только всем у нас заправляет Павел Антонович Силаев.

– А чем же занимается сама Горшкова?

– Она у нас витрина салона.

– На витрине-то у вас я заметил совсем другой персонаж.

– А, это. Вы имеете в виду Шамаханскую царицу?

– Её самую, – подтвердил следователь.

Губы Евы дрогнули в едва заметной усмешке:

– Вот увидите нашу хозяйку и удивитесь их сходству.

– Неужели?

Ответом ему был кивок.

Наполеонов порылся в памяти, на которую он не жаловался, и не припомнил, чтобы в холле он заметил даму, похожую на куклу в витрине. «Странно», – подумал он, но вслух ничего не сказал.

Наполеонов продолжил допрос:

– Значит, вам, Ева Гордеевна, позвонила Алевтина Самойловна, на ваш, как я понимаю, личный сотовый?

– Да, так и было. – Женщина облизала пересохшие губы.

– И вы поспешили к начальнице?

– А у меня был выбор? – вопросом на вопрос ответила Моница.

– Скорее всего, не было, – согласился следователь. – Дверь кабинета вы закрыли?

– Нет...

– Почему?

– Ну я не знаю... – замялась массажистка, – я никогда не закрываю дверь, если в кабинете есть клиент. Как-то не комильфо оставлять человека взаперти.

– Вы сказали, что никогда не закрывали дверь в кабинете, если там находился клиент.

Моница кивнула.

– В таком случае правильно ли я вас понял – вам приходилось не единожды отлучаться, оставляя клиента одного?

– Да, я же вам уже говорила! – нетерпеливо проговорила Ева.

– То есть заходи кто хочешь и выноси всё, что приглянется?

– Да кому тут заходить-то? – вырвалось у Мониной. – На входе стоит Корней и... – Тут она осеклась, вспомнив о том, что произошло сегодня. – Разве такое могло прийти мне в голову, – проямлила Ева.

– Действительно, нормальному человеку такое в голову не придёт, – согласился следователь.

Ева тихо всхлипнула. И следователь, чтобы не дать ей снова расклеиться, поспешил задать следующий вопрос:

– Как долго вы отсутствовали?

– Я же вам говорила, минут пятнадцать.

– А поточнее?

– На часы я не смотрела. Но сказала Алевтине Самойловой, что задерживаться не могу, так как скоро закончится сеанс у клиентки, что лежит у меня в кабинете, обёрнутая водорослями.

– А что сказала вам Горшкова?

– Да ничего она мне не сказала! – воскликнула сквозь сердитые слёзы Мониная.

– Совсем ничего? – уточнил следователь.

– Ну почему же совсем, сказала: «Да, Евочка, идите, конечно. Мы не имеем права заставлять клиентов ждать», – передразнила она начальницу.

– И вы пошли?

– Точнее, я побежала.

– И когда вошли?

– Увидела пояс на её шее. И больше я ничего не помню. Когда очнулась, увидела врачей, потом поняла, что и полиция уже здесь.

– Понятно. Вы можете пока идти, Ева Гордеевна. И будьте так любезны, пригласите сюда Алевтину Самойловну.

– Приглашу, – буркнула массажистка и, не прощаясь, поспешила покинуть кабинет.

В дверь тихонько постучали.

– Вы позволите? – спросил обволакивающий голос.

– Да, входите.

В кабинет вошла невысокая стройная женщина неопределённого возраста, и у Наполеонова на миг перехватило дыхание. Это была она! Шамаханская царица! Хотя сходство живой женщины и прекрасной куклы не было внешним. У женщины были волосы каштанового цвета с заметным рыжеватым отливом. Глаза серебристо-серые, губы небольшие и не яркие, как у манекена, а нежно-розовые. И тем не менее это была Шамаханская царица! В чём это выражалось, следователь сказать не мог. Может быть, поступь? Хотя кукла ведь не двигалась. Но если бы она встала и пошла, то, Наполеонов был уверен, походка у неё была бы такая же, как у хозяйки салона. И ещё взгляд, наклон головы... И руки! Узкие кисти красивой формы, точно крылья неведомых птиц. «Такой завлечь и погубить мужчину ничего не стоит», – подумал Наполеонов. Но тут же вернул себя с небес на землю: убит не

мужчина, а женщина. Не могла же она быть соперницей Шамаханской царицы? Если только Алевтина Самойловна была любовницей мужа Сафронковой. Что выглядит весьма сомнительно.

– Садитесь, Алевтина Самойловна, – пригласил он.

И она молча села, устремив на него свой вопрошающий взгляд. Наполеонов попробовал угадать, насколько встревожена или опечалена хозяйка салона, но ему это не удалось, так как выглядела она абсолютно бесстрастной.

– Алевтина Самойловна, я хочу принести вам свои соболезнования, – проговорил следователь.

– Мне? – удивилась она. – Но я же не была знакома с убитой.

– И тем не менее она убита в вашем салоне.

– Верно, – согласилась Горшкова и посмотрела на следователя с внезапно проснувшимся интересом. – Хотите, я вас сделаю? – неожиданно спросила она.

– Что? – буквально поперхнулся следователь.

– Чего вы так испугались? – искренне рассмеялась она над его реакцией.

– Простите, я вас не понимаю.

– Чего же тут понимать! Я предложила сделать вашу куклу!

– Мою куклу? – Тут в его мозгу что-то начало проясняться. – Вы делаете куклы?

Она кивнула и озорно улыбнулась, совсем как девчонка.

– И Шамаханская царица, – Наполеонов неопределённо кивнул в сторону окна, – ваша работа?

– Моя, – утвердительно кивнула она.

– То-то я смотрю, она на вас похожа.

– Разве?

– Не копия, конечно.

– Она вам нравится?

– Впечатляет, – ответил он. – И давно вы занимаетесь куклами?

– Давно, ещё со школы.

– А как же салон?

– От брата достался, – ответила она, вздохнув, и добавила с явным сожалением: – Других наследников не было.

– И вам не нравится им заниматься?

Она покачала головой.

– Почему же вы не продадите его?

– Он приносит неплохие доходы. – И добавила: – Жить-то на что-то надо.

– Понятно. А занимается салоном ваш заместитель?

– Да, Паша.

– Вы давно знакомы с ним?

Она задумалась и ответила:

– Когда я родилась, он уже был. В смысле, был другом моего брата.

– А как давно вы знакомы с Сафронковой?

– С какой Сафронковой? – не сразу переключилась она.

– С той, что была убита сегодня в вашем салоне.

– Зачем вы так? – нахмурилась Алевтина Самойловна.

– Как так?

– Вероломно.

– Работа у меня такая, – вздохнул следователь, – мне нужно найти убийцу.

– Да, я понимаю. Но я...

– Что вы?

– Я доверилась вам.

– Извините. Как говорят – ничего личного.

– Хорошо, отвечаю на ваш вопрос: я не была знакома с этой женщиной. Я никогда её не видела.

– Вы не заходили после обнаружения трупа в кабинет Мониной?

– Нет, – медленно покачала головой из стороны в сторону Алевтина Самойловна.

– Но вам сообщили об убийстве?

– Да.

– Кто?

– Паша. Он велел мне спуститься в холл.

– Вы спустились и больше никуда не отлучались.

– Не отлучалась, – проговорила она покорно.

– Алевтина Самойловна, Ева Мониная давно работает у вас?

– Шесть лет.

– Вы довольны её работой?

– Об этом надо спросить у Паши.

– А я спрашиваю у вас.

Она поджала губы и задумалась, потом ответила:

– Мне кажется, что Ева хороший специалист.

– Клиенты на неё не жаловались?

– Нет! Ну что вы! – искренне возмутилась Горшкова.

– Значит, с её профессиональной деятельностью всё в порядке.

– Конечно! – заверила она его. – Паша нанимает на работу только лучших в своём деле.

– А теперь скажите мне, Алевтина Самойловна, зачем вы вызывали к себе Моницу.

Горшкова неожиданно покраснела и опустила голову.

– Не скажу, – еле слышно прошептали её губы.

– Как то есть не скажу? – изумился следователь.

– Так вот и не скажу, – повторила она упрямо, – это не имеет никакого отношения к убийству.

– О том, что имеет отношение к убийству, а что не имеет, судить мне, – ледяным голосом проговорил следователь.

Она подняла на него свои удивительной чистоты серые глаза и по-детски заверила:

– Честно-честно, это никак не может быть связано с убийством.

– И всё же, – продолжал настаивать следователь.

– Мне неудобно говорить вам об этом, – смущённо призналась она.

«Небось какие-нибудь бабские дела, – подумал он недовольно, – типа критических дней или ещё чего похуже», – но отступить было некуда и он сказал:

– Если это не связано с убийством, то я сразу забуду о вашем секрете.

– Честно-честно? – было произнесено тем же наивным тоном.

– Честно-честно, – повторил он покорно.

– Я хотела спросить у Евы, какого цвета панталончики надеть на Милену.

– Чего надеть? – У Наполеонова глаза полезли на лоб.

– Я так и знала, что вы будете шокированы, – с покаянным видом вздохнула Алевтина Самойловна, – но вы же сами этого добивались, – укорила она его.

– Кто такая Милена? – решил добраться до сути Наполеонов.

– Моя новая кукла!

– Ах да, кукла, – хлопнул себя по лбу со всего размаха следователь.

– Ой, вам, наверное, больно? – Алевтина Самойловна вскочила со своего стула. – Давайте я вам подую.

– Да сидите уже, ради бога! – остановил её жестом следователь. – Лучше скажите мне, почему по поводу панталон вы советуетесь с Евой?

– А с кем же ещё? – вполне искренне удивилась Горшкова. – Ева хорошо разбирается в моде, и у неё тонкий вкус.

– А что, куклы тоже живут по законам моды? – обречённо спросил Наполеонов.

– А как же?! – удивилась и одновременно возмутилась Алевтина Самойловна.

«Дурдом, – подумал про себя Наполеонов, – надо скорее отгребать от темы кукол, а то я сам тут чокнусь».

– Значит, в тот день вы вызвали Еву для консультаций по поводу, м-м-м, кукольной одежды. И сколько длилась эта консультация?

– Совсем ничего!

– То есть?

– Ева велела надеть Милене розовые панталоны и больше ничего обсуждать не стала, сославшись на то, что у неё клиентка в водорослях.

– То есть вы беседовали не больше пятнадцати минут?

Алевтина Самойловна наморщила лоб и, подумав, сказала:

– Скорее меньше.

– И Моница поспешила в свой кабинет?

– Естественно, куда же ей ещё было спешить, – пожалала плечами Горшкова.

– Хорошо, Алевтина Самойловна, вы можете идти. И приглашайте сюда Павла Антоновича.

– Сию минуту. – Женщина легко встала со стула и проплыла до двери грациозной походкой восточной красавицы. Вскоре он услышал её голос:

– Паша, тебя зовёт следователь.

Когда мужчина вошёл, Наполеонов проинформировал его:

– Павел Антонович, мы покидаем ваше заведение. Но вполне возможно, что нам ещё не раз придётся поговорить с вами, сестрой вашего друга и вообще с сотрудниками салона.

– Я понимаю, – кивнул Силаев и проводил следователя до выхода из «Шамаханской царицы».

Прежде чем сесть в свой автомобиль, Наполеонов ещё раз оглянулся на витрину и задержал свой взгляд на Шамаханской царице. Ему показалось, что кукла лукаво улыбнулась ему и заговорщически подмигнула.

Наполеонов помотал головой и пробормотал себе под нос:

– Примерещится же такое.

Между тем весеннее солнце заливало улицу ярким светом, и прохожие, спешившие по своим делам, невольно улыбались, точно солнечный свет стёр своими лучами озабоченность и усталость, оставленную на их лицах долгой зимой.

Глава 6

Личность погибшей установили по имевшимся при ней документам ещё в салоне. Наполеонову не давала покоя одна-единственная мысль: кто мог за столь короткое время проникнуть в кабинет и убить девушку?

Персонал и немногочисленные посетители, находившиеся на момент убийства в салоне, были незамедлительно опрошены сотрудниками полиции. И у всех имелось алиби. Все были на глазах друг друга. В момент убийства никто не находился один. У всех специалистов, работающих в отдельных кабинетах, в это время были клиенты, и сами они никуда не отлучались. Алиби отлучившейся Мониной было в лице Горшковой. И, соответственно, наоборот. Королькова и Горячев были на виду практически у всех. В кабинете Силаева на момент убийства была бухгалтерша Калерия Игнатьевна Тучинская, они с ней корпели над отчётностью для налоговой.

Выходит, злоумышленник проник извне, хотя охранник Горячев уверял, что это невозможно. Однако других версий просто не было. По всему выходило, что кто-то всё-таки выследил жертву, проник в салон и расправился с ней. В подтверждение этой версии говорило обнаруженное на первом этаже открытое окно временно пустующего кабинета. Кто и зачем открыл окно – неизвестно. Силаев предположил, что

его открыли для проветривания. Но никто из сотрудников не признался, что приложил к этому руку. Уборщица, пожилая женщина, почти такая же худая, как швабра, которой она мыла пол, божилась, что к окну не прикасалась с прошлого месяца, когда лично мыла его по приказу того же Силаева. Однако кто-то же его открыл! И впустил сообщника. Отпечатков пальцев на окне не было. Возможно, его открывали в перчатках. Кто это мог быть? Да кто угодно, начиная с той же уборщицы и заканчивая владелицей салона. Хотя видимых мотивов ни у кого для этого не было.

Оперативник Ринат Ахметов был отправлен по домашнему адресу жертвы, чтобы оповестить мужа и поговорить с соседями. Себе следователь оставил беседу с подругой погибшей, которая и посоветовала ей навестить «Шамаханскую царицу». Адрес подруги Светланы Геннадьевны Кочетковой у него уже имелся.

Оперативник Ринат Ахметов выслушал распоряжение следователя, не проявляя внешне никаких эмоций, только глянул мельком на часы и подумал с явным сожалением, что забрать из садика дочку Гулю он сегодня, скорее всего, не успеет. Придётся звонить жене или маме. «Гулька будет огорчена», – подумал он, вспомнив, как дочка утром ластилась к нему и уговаривала после садика забежать в её люби-

мый скверик с кувшинчиком. Девочка могла по несколько минут стоять молча рядом с импровизированным глиняным кувшином и смотреть, как внутри него бьётся фонтанчик, больше похожий на родничок. Ринат проникался настроением дочери и тоже молча стоял рядом с ней и любовался маленьким рукотворным чудом.

Ринат вздохнул и набрал цифры домофона квартиры, в которой ещё сегодня утром жила Софья Сафронкова. Ему никто не ответил. Он набрал номер второй и третий раз – с тем же результатом. Подождав полминуты, он набрал номер соседней квартиры, и тут ему повезло.

– Кто это? – спросил молодой женский голос.

– Полиция! Откройте!

– Что случилось? – переполошился голос.

– Девушка, мы так и будем по домофону переговариваться? – строго спросил Ринат.

– Нет, нет, конечно, – ответила трубка, и слабый щелчок оповестил оперативника о том, что дверь подъезда открылась. Чтобы не терять зря времени, Ахметов поднялся на лифте. Когда двери его разъехались, он увидел, что его уже поджидают. На пороге открытой квартиры стояла молодая брюнетка в коротком цветастом халатике и буквально пожирала его глазами.

– С Данилой что-то случилось? – спросила она, не дав произнести ему и слова.

– Простите, с кем? – спросил Ринат.

– Ну с Даниилом Сафронковым, нашим соседом, вы ведь к нему сначала ломились? – И пояснила: – У нас слышно, когда у соседей пищит домофон.

– Да, я по поводу ваших соседей, – он протянул ей удостоверение, – капитан полиции Ринат Ахметов.

– Карина Лисовская. Проходите, пожалуйста, – пригласила женщина оперативника в квартиру, бросив на его удостоверение беглый взгляд.

– Спасибо. – Оперативник вошёл в прихожую и быстро натянул на ноги бахилы. Их ему всегда клала с собой любимая жена Гузель, чтобы избавить воспитанного мужа от необходимости разуваться и обуваться в чужих квартирах.

– Ой, как у вас теперь всё стало, – рассмеялась женщина, – проходите, проходите.

Вскоре они оказались в уютной гостиной со светлыми шторами и такими же чехлами на новой современной мебели. Хозяйка села на диван и жестом пригласила Рината последовать её примеру. Он присел не слишком близко от женщины.

– Рассказывайте, в какую историю попал Данила? – весело спросила женщина.

– Ответ на этот вопрос я хотел бы услышать от вас, – ответил оперативник.

– То есть? – удивилась Карина.

– Вы знакомы с Софьей Сафронковой?

– Ну ещё бы! – воскликнула Карина. – Мы с ней, можно

сказать, подружки.

– Вот и прекрасно. Вы знаете, что Софья Софронкова...

– Знаю, знаю, – перебила его Карина, – Сонька сегодня с утра потопала в салон «Шамаханская царица». Его ей расхвалила Светка Кочеткова.

– Кочеткову вы тоже знаете?

– Как облупленную, – заверила женщина Рината, – она же постоянно к Соньке сюда приезжает.

– Интересно...

Карина улыбнулась во весь рот, но Ахметов тотчас погасил её улыбку:

– Я пришёл поговорить с мужем Софьи Сафронковой, потому что она была убита сегодня утром.

– Убита? – ошарашено переспросила женщина. – Но этого не может быть! – вырвалось у неё.

– Это почему же?

– Потому что я видела Соню перед выходом из дома. Она была живая, здоровая и весёлая. Рассказала мне о салоне и пообещала в следующий раз взять меня с собой.

– Много ли времени требуется человеку, чтобы распрощаться с жизнью, – философски заметил Ринат.

– Да, но... Она попала в аварию? – высказала догадку соседка.

– Нет, её задушили.

– Задушили?! Но где?!

– В салоне красоты.

– Как же так? В это невозможно поверить.

– Увы, это свершившийся факт.

– Кто же мог это сделать?

– Это как раз мы и пытаемся выяснить. Вы говорите, что муж Софьи отсутствует?

– Да, Данила в творческой командировке.

– Давно?

– Да уж вторую неделю. Соня говорила, что он завтра должен приехать.

– Сафронковы часто ссорились?

– Да они и не ссорились вроде, – растерянно проговорила соседка.

– А у Софьи были враги?

– Явных не замечала. Хотя Софья, конечно, не подарок. Ой. – Женщина зажала рот ладонью.

– Не стесняйтесь, Карина, как вас по отчеству?

– Маратовна.

– Так вот, Карина Маратовна, в деле поимки преступника может пригодиться любая информация, даже самая незначительная. И неважно, положительная она или негативная.

– Да нет, вы неправильно меня поняли, Соня была хорошая, просто с закидонами.

– С закидонами? – переспросил Ахметов.

– Ну то есть с капризами. Вот втемяшится ей что-нибудь в голову, и ничем это оттуда не выбьешь. Вынь да положь.

– И часто это с ней случалось?

– Не очень... – неуверенно проговорила Карина.

– Но мужа капризы жены могли и раздражать.

– Данила любил её сильно. Любовь, можно сказать, с первого взгляда. Увидел – и всё!

– Солнечный удар.

– Что? – не поняла она.

– Рассказ такой есть у Куприна, «Солнечный удар» называется.

– И он там убивает её? – испугалась Лисовская.

– Нет, у Куприна всё разрешается вполне благополучно.

– Вот и я о том же, – обрадовалась женщина, – Данила не мог убить Софью!

– Это почему же?

– Во-первых, потому, что он любил её. А во-вторых, потому, что его не было в городе.

– Резонно, – согласился оперативник и спросил: – Софья – его первая жена?

– Нет, до встречи с ней Данила был счастливо женат.

– Счастливо женат? – удивился Ринат. – Почему же он разошёлся?

– Потому что встретил Софью.

– Понятно, – произнёс вслух Ринат, подумав про себя, что на самом деле ничего не понятно.

– У них есть дети?

– У Софьи и Данилы? – уточнила Карина и покачала головой: – Нет. Но у Данилы дети есть от прежней жены.

– А чем занимается Данила Сафронков?

– У него модельный бизнес.

– А чем занималась Софья?

– Она мне говорила, что была моделью.

– То есть они познакомились на работе?

– Получается, что так...

– Вы сказали, что были подружкой Софьи.

Карина кивнула.

– В таком случае, может быть, она рассказывала вам о своих прежних поклонниках.

– До встречи с Данилой она встречалась с Эдиком Кобенко.

– Бедным студентом?

– Ну что вы! Эдик давно вышел из студенческого возраста.

Ринат хотел сказать, что учиться никогда не поздно, но промолчал.

А Карина сказала:

– И потом, Эдик вовсе не бедный. У него свой магазин.

– Почему же тогда Софья с ним рассталась?

– Потому что владелец модельного агентства престижнее хозяина магазина.

– А как же любовь? – спросил Ринат.

– Какой вы наивный! – вырвалось у Карины, но она тотчас опомнилась: – Простите.

– Нет, ничего, – улыбнулся он, – просто сам я женился по

любви.

– Она богатая? – спросила женщина.

– Кто? – не понял Ахметов.

– Ваша жена.

Ринат искренне рассмеялся.

Карина нахмурилась, а потом спросила:

– Мне позвонить Даниле?

– Не надо. Лучше дайте мне его номер телефона.

– Да, пожалуйста, – проговорила женщина и нацарапала на листке бумаги несколько цифр.

– Что ж, я вынужден вас оставить, – проговорил Ринат, поблагодарил хозяйку и распрощался с ней. Он не сомневался в том, что сразу после его ухода Лисовская позвонит Сафронкову. И он не ошибся.

Ринат же оперативно проинформировал обо всём следователя. И Наполеонов пообещал, что безутешного вдовца прямо на вокзале встретит наружка и проследит за ним до дома.

«Если он, конечно, поедет сразу домой», – подумал про себя Ринат.

Для порядка Ахметов прошёлся по всем квартирам в подъезде и опросил жильцов, которые в этот час оказались дома. Ничего нового о супружеской паре Сафронковых он не узнал. Подруг у Софьи в этом доме больше не оказалось. Все остальные соседи были знакомы с супружеской парой на уровне – «здравствуйте – до свиданья». «Знакомая исто-

рия», – заключил Ринат. Сейчас люди практически перестали интересоваться друг другом. Миром правит индивидуализм. Не то что в иные времена. Бабушки и дедушки Рината помнили всех своих соседей, которые жили не только рядом с ними, но и в одном дворе. Они не раз рассказывали внуку, что в советское время люди летом спешили домой, а поужинав, выходили во двор. Женщины постарше судачили на скамейках, кто-то вязал, кто-то играл в карты. Мужчины «забивали козла», те, что поинтеллигентней, играли в шахматы и шашки, парни напевали песни под гитару. Девчонки хихикали рядом, дети играли в песочницах и на площадках под рассеянным взглядом молодых мам и нестарых бабушек. Мир в те времена казался безопасным, люди ощущали уверенность в завтрашнем дне. Ринат, слушая своих пожилых родственников, всё чаще улавливал нотку сожаления в их голосах. Ему даже хотелось утешить их и ободрить. Но он не находил подходящих слов и поэтому благоразумно отмалчивался. Просто слушал и кивал, понимая, что чем старше становится человек, тем ценнее для него уши, готовые его слушать.

Глава 7

Анастасия Ивановна Кружельская – хозяйка Дома моды «Персиковая ветвь» – поставила на стол свежие пухлые плюшки, кофейник, сливки, сахар и чашку, в которую собралась налить себе любимый напиток. Плюшки и сладкий кофе были слабостью Анастасии Ивановны, и она не делала из этого тайны. Кружельская вообще любила вкусно поесть и могла себе это позволить. Последнее время дела её Дома моды пошли круто в гору. Женщины всё реже стыдились своих пышных форм и прятали их под несуразными балахонами. Количество аппетитных дам росло и среди клиенток «Персиковой ветви».

Анастасия Ивановна после учёбы начинала свой трудовой стаж в обычном ателье. Но потом она решилась отправиться в свободное плавание. Часть средств ей удалось скопить, остальное она взяла в кредит и открыла свой Дом моды, ориентированный на «персики», то есть женщин с пышными формами. Сначала дела шли туго, Кружельская едва сводила концы с концами, экономить приходилось буквально на всём. Анастасия Ивановна даже похудела. Но так как она сочетала в себе таланты дизайнера, модельера и лидерские качества, ей удалось не только яркой, порой эпатажной рекламой, но и действительно элегантными неповторимыми моделями привлечь к себе полных женщин, желающих выглядеть

модно и стильно.

Анастасия Ивановна щёлкнула пультом телевизора, там как раз шли местные новости, и стала наливать себе в чашку кофе. От увиденного на экране её рука дрогнула, и она не сразу почувствовала, что горячий напиток перетёк через край чашки, разлился по столу и теперь капает ей на колени. Крупным планом показали её недавнюю оппонентку на ток-шоу «Стройняшки против толстухек» Софью Сафронкову. Кружельская вспомнила, как омерзительно вела себя девушка на передаче: она не стеснялась в выражениях, когда говорила о своём отношении к полным женщинам, откровенно хамила. И Анастасия Ивановна в какой-то момент не сдержалась и буквально по-бабски вцепилась в волосы Сафронковой. Она сама не ожидала от себя такой выходки и до сих пор стыдилась своего поступка. Но что было, то было. И вот теперь Сафронкова мертва. Задушена в салоне красоты собственным поясом.

– Боже, какой ужас! – невольно вырвалось у Кружельской, и неприятный холодок побежал по её коже. Пить кофе ей расхотелось, и плюшки уже не казались такими аппетитными, как прежде. Она вскочила со стула и бестолково заметалась по комнате. Потом так же резко остановилась и сжала руками виски. Неожиданно ей пришло в голову, что в убийстве могут заподозрить её, хотя она и думать забыла об этой вульгарной девице, а к этому салону и близко никогда не подходила.

– Но полиция... – прошептали губы Анастасии Ивановны, – ведь они хватают всех, кто попадаетея под руку, и шьют им дела. «Ох, – подумала женщина, – я уже стала выражаться, как заправская гопота». Она вздохнула и снова опустилась на стул. Спустя ещё одно мгновение она вспомнила о своём адвокате Яне Белозёрском. Её рука сама потянулась к телефону и набрала знакомый номер.

– Ян, это я, – проговорила она в трубку, когда услышала его голос.

– Да, я узнал вас, Настенька, – приветливо откликнулся Белозёрский, – что-то случилось?

– Кажется, да, – ответила она.

– Кажется? – переспросил он с едва уловимой ноткой настороженности в голосе.

– Вы смотрели сегодняшние новости? – спросила она.

– Нет, а что?

– Убили Софью Сафронкову.

– Мне это имя ничего не говорит.

– Ну как же! Помните ток-шоу, в котором я участвовала в качестве одной из главных героинь?!

– Ах, это, помню, – тихо засмеялся Ян, – вы ещё тогда отвалтузили одну невоспитанную девицу.

– Так вот, эту девицу сегодня убили! – взвизгнула Кружельская.

– Убили? Где?

– В салоне красоты «Шамаханская царица».

– Впервые слышу о таком салоне, – пробормотал Белозёрский.

– Я тоже! Но что с того?!

– Настенька, я вас не понимаю, чего вы, собственно, переполошились? В городе каждый день кого-нибудь убивают.

– Каждый день?

– Ну не каждый, тут я слегка погорячился. Я не понимаю, чего вы вообще переполошились!

– Так как же! Я подралась с ней! Обещала придушить её собственными руками! Это же всё есть в записи!

– Настя, послушайте моего доброго совета, выбросьте все свои страхи из головы.

– Но мне страшно, – проскулила в трубку Кружельская.

– Настя, вы же разумная женщина!

– Вы мне льстите.

– Нет, я знаю вас не один год.

– Ян, вы не бросите меня, если вдруг что... – Она запнулась.

– Поверьте, вам нечего бояться.

– Но вы пообещайте.

– Обещаю, – вздохнул он, – я не брошу вас в беде. И всё будет хорошо.

– Я так боюсь, что от меня отвернутся люди.

– Никто от вас не отвернётся. Кстати, – легко проговорил он, – Магда просила при случае передавать вам привет.

– Спасибо вам! Вы с женой очень хорошие люди.

– Настя, – рассмеялся Ян в трубку, – мы с Магдой самые обычные люди. Если в нашей семье и есть кто-то необычайно добрый, так это наша Паулинка.

Анастасия Ивановна невольно улыбнулась, представив себе умильную слюнявую морду огромной боксёрши Паулины, в которой супруги Белозёрские не чаяли души. Вообще, изначально собака приобреталась для охраны дома. Но охранница из Паулины получилась никчёмная. Увидев человека, неважно, знакомого или нет, Паулина кидалась к нему в переносном смысле с распростёртыми объятиями и вешалась ему на шею с одной-единственной целью – облобызать его. Это не всем приходящим в дом к адвокату нравилось. Кого-то пугала огромная собака, а кому-то просто было неприятно быть обмусоленным ею. Но Анастасия Ивановна как-то сразу подружилась с боксёршой и не возражала против её нежностей. Правда, отправляясь к Белозёрским, всегда брала с собой огромную салфетку, которой и утиралась после трогательных собачьих поцелуев.

Воспоминания о Паулине успокоили Кружельскую, и она, приободрившись, распрощалась с адвокатом, предварительно наказав ему передавать приветы Магде и Паулине. Магда Белозёрская была постоянной клиенткой «Персиковой ветви». Несмотря на свою безупречную фигуру и вес, Магда предпочитала заказывать наряды у Кружельской. Она уверяла знакомых, что у Кружельской бездна таланта, безупречный вкус и руки настоящего художника.

Карина Лисовская позвонила Даниле Сафронкову тотчас же, как только за оперативником закрылась дверь.

– Карина? – удивлённо спросил он.

Лисовская не сразу решилась вывалить ему на голову печальное известие, некоторое время она просто дышала в трубку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.